

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТРУДНОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

*Н.Л.Абрамян,
Старший научный сотрудник
Института Философии,
социологии и права НАН РА,
кандидат философских наук*

Два важных события во второй половине XX столетия в сфере гуманитарных наук произошли почти одновременно – возникла лингвистика текста и возродилась риторика. Чем бы ни было подготовлено и спровоцировано такое совпадение (да и совпадение ли это?), каждого из этих событий было бы вполне достаточно для сотрясения всего корпуса гуманитарных наук.

Со стороны лингвистики текста ситуация выглядит примерно так. Как ни странно, но, только пройдя значительную часть пути, лингвистика текста обнаружила, что посягает на объект, традиционный для ряда других дисциплин – как филологических, так и даже нефилологических – текст.

Ведь тексты издавна вызывали к себе интерес как особый объект. Уже в цивилизациях Древнего мира объектом пристального внимания становились сакральные (и некоторые другие, также высокостатусные, например, в древнегреческой культуре – гомеровские) тексты, ввиду их особой значимости в жизни людей.

Позже объектом изучения становятся тексты других типов – философские, исторические, юридические, литературные. Это изменение, конечно, не сводилось к одному только расширению материала изучения – перелом произошел и в самом подходе к текстам: вначале тут господствовал пиетет по отношению к сакральным текстам и в чём-то ему глубоко родственные герменевтика и экзегетика, а вошедшие в круг интересов тексты других типов и другого статуса подталкивали к поиску нового арсенала средств и методов.

Существовало некое глубокое внутреннее *соответствие* между определённым *отношением* к сакральным текстам, несколько сковывающим исследовательскую инициативу, и приме-

няемыми при их анализе *методами* изучения¹. Об этом М.М. Бахтин писал так: «Научно точная, так сказать, паспортизация текстов и критика текста – явления более поздние (это целый переворот в гуманитарном мышлении, рождение *недоверия*). Первоначально *вера*, требующая только понимания – истолкования».²

Так что трудно какой-либо науке претендовать на эксклюзивное право на текст. Текстом, хотя и по-разному, занимались герменевтика, фольклористика, литературоведение, стилистика, риторика, логика. И поныне текст является и чем-то общим, объединяющим для ряда наук, и спорной территорией, на которой время от времени разыгрываются и бури в стакане воды, и серьёзные баталии. Насущно необходимая и нетривиальная задача – установить, один объект они описывают или несколько или, иначе, удаётся ли каждой из них выделить некие специфические свойства текста.

С некоторых пор – примерно с 70-80 гг. прошлого века – заявку на право вхождения в круг этих, изучающих текст дисциплин сделала и лингвистика. Оказалось, что помимо своего, и без того уже довольно сложного (как бы «сложённого») объекта «язык/речь», лингвистика претендует и на «текст» тоже.

При введении в научный обиход лингвистики понятия «текст» сразу же возникло сомнение: а является ли для неё текст чем-то принципиально новым, может быть, здесь под другим именем выступает её старый знакомец – «речь»?

Как известно, заслуга эксплицитного подразделения объекта лингвистики на два подобъекта – язык и речь – принадлежит Соссюру. Так что оппозиция «язык/текст» могла бы считаться тождественной соссюровской дихотомии языка-речи при условии, что содержания понятий «речь» и «текст» полностью совпадают. Думается, это не так, и работающим в этой области учёным удалось вложить существенно новое содержание в понятие «текст» (что

¹ Именно поэтому логик, приступающий к семантическому анализу сакральных текстов даже в XX в., ощущал необходимость сделать ряд оговорок – см. авторские объяснения на третьей странице обложки в кн.: Г.В.Гриненко. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семантический анализ вербальной магии. М., 2000.

² М.М.Бахтин. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // М.М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 282.

само по себе уже есть аргумент в пользу наличия нового предмета изучения).

Обратим внимание хотя бы на то, что текст – теперь уже в его специальном значении – ставит себе иные цели, чем речевая деятельность вообще.

Основной, а для многих лингвистов – даже единственной функцией языка/речи долгое время была коммуникативная. Текст же, согласно Ю.М. Лотману, «кроме коммуникативной... выполняет и смыслообразующую функцию, выступая уже не в качестве пассивной упаковки данного смысла, а как генератор смыслов»¹.

Согласно Лотману, задачей текста является смыслообразование, которое становится возможным благодаря неоднородности, самопротиворечивости текста. Суть в том, что текст характеризуют «сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста, *образующие его внутренний полиглотизм и являющиеся механизмами смыслообразования*».²

Новая функция текста – быть генератором смысла – возникает, согласно этой концепции, благодаря его внутренней неоднородности, как говорит Лотман – полиглотизму.

Что же такое полиглотизм?

Дело в том, что, обращаясь к отношениям между системой языка и речью, Соссюр утверждал, что речь является реализацией языковой системы, но именно – одной, данной. Это мнение было незыблемым до самого последнего времени. У Лотмана, однако, упор делается на том, что текст непременно реализует две (и более) знаковые системы. И, надо сказать, это был довольно решительный разрыв с традиционно лингвистической точкой зрения, согласно которой речь представлялась чем-то однород-

¹ Ю.М. Лотман. К современному понятию текста. // Ю.М. Лотман. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002, с. 80

² Там же, с. 82 (выделено нами – Н.А.). Существующая уже в литературе интерпретация этой мысли (см. В.Е.Чернявская. Лингвистика текста: поликодность, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009), сводящая полиглотизм к наличию в одном и том же семиотически понятом тексте, помимо вербальной, ещё и других знаковых систем, представляется неадекватной лотмановской мысли: суть последней в том, что именно вербальный текст содержит в себе разные субтексты (при этом, конечно, не исключается, что в культуре функционируют и тексты смешанного типа).

ным, «закодированным» с начала и до конца одним и тем же способом.

Но вот вопрос: таков ли этот разрыв, что он выводит этот подход за рамки лингвистики, либо же он может быть «присвоен» и ею?

Понятие о полиглотизме текста, чрезвычайно важное, на наш взгляд, было создано Ю.М.Лотманом под непосредственным влиянием разработок М.М.Бахтина по теории текста, на что сам Лотман неоднократно указывал (при том, что Бахтин не употреблял этого термина, предпочитая знаменитый «диалог»). Хотя «полиглотизм» и «диалог» совсем не одно и то же, тем не менее позиции Бахтина и Лотмана сходятся в принципиальном решении вопроса о неоднородности текста. Как писал позже развивший эти идеи Ю.М. Лотман, Бахтиным «в едином тексте вычленяются не только разные, но, что особенно существенно, взаимно-непереводимые субтексты»¹.

Разработка именно этого бахтинского принципа позволила наполнить понятие «текст» новым содержанием, отличить его от традиционно лингвистически понимаемой «речи» (см. работы Ю.М. Лотмана последнего десятилетия в сборниках «Семиосфера» (СПб., 2000), «Статьи по семиотике искусства» (СПб., 2002) и других).

Но если речь и текст не тождественны, отсюда, по нашему мнению, непосредственно вытекает важное следствие – тогда мы вместо *дихотомии* имеем *трихотомию* язык/речь/текст, и, далее, нам надо думать не только об отношениях язык-речь и речь-текст, но ещё об одном – язык-текст².

На этом-то соотношении нам и надо остановиться.

Когда лингвистика текста осознала, что предложение не максимальная её единица и замыслила сделать своим объектом текст, самое главное решение, которое от неё требовалось, состояло в том, аналогичны ли «силы», образующие единство предложения, «силам», формирующим структуру текста. Как нам

¹ Ю.М. Лотман. Текст в тексте // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам, XVII, Тарту, 1981, вып. 567, с. 8.

² На эту тему нами опубликована отдельная ст. «Как возможна общая теория текста?» // Дайджест: культурология. М. ИНИОН РАН (серия теория культуры), 2010, сс. 210-220.

представляется, эту аналогию она переоценила. Именно против этого и возражала критика первого этапа лингвистики текста: например, такая: «текст создаётся при помощи языка, из языка, но в то же время текст преобразует, расширяет, совершенствует язык, существует ему вопреки или ограничивает его» (Макс Бензе).

Но затем – в силу разных причин – в полемике произошла подмена тезиса. К этой полемике подключился Лотман, и его аргументация строилась следующим образом. Он был, на наш взгляд, прав, возражая против сведения законов текста к законам языка, но свою точку зрения он подтверждал примерами текста риторического – то есть заведомо такого, который является реализацией не одной языковой системы, а двух и более. Поэтому осталось неясным, относится ли эта, столь принципиальная для нового понимания языка семиотическая неоднородность ко всякому тексту или только к художественному?

Невозможно обойти вниманием и то, что, определяя природу текста, Лотман настойчиво употребляет слово «риторический», но отнюдь не в старом, традиционном его значении. Для полного понимания его подхода необходимо уточнение: «риторический» в устах Лотмана отнюдь не значил только «относящийся к ораторскому искусству или к его теории». По существу это – присутствие в тексте двух и более знаковых систем: «риторическая структура «...объективно представляет собой внесение в текст извне имманентно чуждых ему принципов организации»; она «не возникает из языковой, а представляет решительное переосмысление последней».¹

Но о какой риторике идёт речь?

Дело в том, что в это же самое время риторика, не популярная с XVIII века, переживает свой Ренессанс в форме новых двух ветвей – новой риторики и теории аргументации. Но, вернувшись на историческую сцену, риторика тут же обнаруживает, что большое поле её традиционных разработок – т.н. средства усиления выразительности речи – оприходовано и обжито совершенно другой наукой, стилистикой. А поскольку уже успела сложиться

¹ Ю.М.Лотман. Риторика - механизм смыслопорождения. // Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семисфера – История. М., 1996, с. 190.

ещё и поэтика, то легко себе представить, какая тут разыгрывается «война за риторическое наследие» (говоря словами Г. Хазагрова).

История риторики во многом любопытна. Традиционно риторика относилась к числу наук философского цикла, была тесно связана с логикой, теорией аргументации. Однако новая риторика (работы льежской «Группы μ » и их последователей) уже не занимаются ни убеждением, ни аргументацией, являясь по существу теорией текста (почти всегда - художественного). Такая риторика льнёт (или сливается) к поэтике, науке филологической.

Значит ли это, что от традиционной риторики ничего не остаётся и она вновь становится ненужной? Хотя стало уже банальностью говорить, что история учит тому, что она ничему не учит, трудно не вспомнить, что Европа уже один раз переживала дискредитацию и отказ от риторики и это нанесло нам ощутимый вред¹.

Во всяком случае, такое перемещение, точнее, смещение акцентов, представляется не совсем исторически справедливым. И тут хотелось бы, если уж риторика перестала носить ярко выраженный философский характер, относить её не к полностью лингвистическим, но, скорее, к наукам культурологическим (по мнению других - семиотическим) в широком смысле слова.

Учитывая, что одно из важнейших принципов семиотики - это разделение двух планов - плана содержания и плана выражения - можно понять, почему следующий тезис идёт именно от семиотики: риторическое высказывание отличается от других не в плане выражения, а в плане содержания, так что при переформу-

¹ Оценить последствия дискредитации и забвения риторики трудно и даже невозможно в рамках одной работы. Обычно при этом упоминается «экономический эффект» (ср. замечание Ю.В. Рождественского: экономический рост США и Японии во многом обусловлен развитой риторической теорией и практикой, обеспечивающей разрешение конфликтов и продвижения проектов речевыми средствами (Ю.В. Рождественский. Принципы современной риторики. М., 2003. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://evarist.narod.ru/text7/29.htm>). Но есть и другое - пострадала сама наука, замедлился её прогресс, некоторые вещи ей пришлось открывать заново. Популярность теории речевых актов Серля или по-своему замечательных работ Остина об иллюзии и их восприятии как абсолютно новаторских возможны были только в вакууме отсутствия риторики и игнорирования её заслуг: именно риторика была теорией речи, речевых отношений и речевых действий.

лировании его смысл изменится: если убрать то, что может казаться “украшением”.

Иначе говоря, троп для Лотмана – это не внешний декорум, не принадлежность лишь сферы выражения, а механизм построения целого, в пределах одного языка не конструируемого содержания.¹

Такой текст не просто хранит информацию, но и трансформирует сообщение и вырабатывает новые. Так толковал Лотман понятие текста и сравнивал его с “самовозрастающим логосом” Гераклита.

Что такого рода тексты есть – очевидно, но как же быть с тестами попроще?

Ведь здесь, как нам теперь представляется, на самом деле два вопроса, хотя и взаимосвязанных: какими «силами» обеспечивается внутреннее единство текста вообще, т.н. текстуальность (1) и за счёт чего образуется т.н. риторическая структура (2)?

Когда Лотман пишет о том, что «риторическая структура не возникает автоматически из языковой, а представляет решительное переосмысление последней», что она «вносится в словесный текст извне, являясь дополнительной его упорядоченностью»², это касается второго вопроса, а не первого. Если структура риторическая, то понятно, что она сверхъязыковая (неоднокодовая), но остаётся неясным, всякая ли текстовая структура такова или таков лишь художественный текст³.

Картина получается неожиданная и довольно сложная. Поскольку вопрос о том, читать ли текст только в прямом его смысле или же – в риторических (возможно – бесконечных) смыслах, задаётся не текстом, а дискурсом, в конечном счёте – культурным контекстом, то отсюда нам следует сделать вывод: один и тот же текст может быть и предметом лингвистики текста, и предметом риторики.

¹ Ю.М.Лотман. Риторика - механизм смыслопорождения, с. 185.

² Ю.М.Лотман. Риторика - механизм смыслопорождения, с. 66.

³ Нами предпринята попытка показать семиотическую неоднородность текстов за пределами художественного стиля (см Н.Л.Абрамян. Многообразие текстов. // Лингвистические исследования. Сборник статей. Выпуск 3. Ереван, 2011, сс.3 - 13).

О том, что текст не только имеет множество прочтений, но – прочтений *разных*, начинает догадываться уже Данте. Около 1316 г. в письме к правителю Вероны Кан Гранде делла Скала Данте признаёт, что текст может иметь минимум два типа смыслов – буквальный и аллегорический (позже, в «Пире» стал различать внутри аллегорического ещё три смысла¹).

Можно принимать или отвергать интерпретации Данте конкретных текстов, как и типов смыслов – главное не в этом: главное, что нет одного, выделенного, «правильного» прочтения, ещё хуже – «последнего» (применительно к исполнению текста музыкального – нет и не может быть одного «идеального» исполнения). Иначе говоря, любой текст риторичен *потенциально*.

Приятие этой идеи и её разработка, думается, важны для понимания как предмета новой риторики, так и для лингвистики текста. Но не только для них.

Как мы видели, вопрос об отношениях риторики с лингвистикой текста, стилистикой и поэтикой стоит довольно остро, но уже очевидно, что он затрагивает и другие дисциплины. Мало того, что линии демаркации между ними естественно подвергаются пересмотру – *проблема их размежевания вошла в новый научный контекст*.

¹ Данте Алигьери. *Опера минора*. М., «Наука», 1968, с. 386.